

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Светлана Олеговна БЕЛЯКОВА

ассистент

Самаркандский государственный университет

имени Шарафа Рашидова

Самарканд, Узбекистан

e-mail: Lana.belyakova.2014@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются культурологические аспекты, отраженные в русской и узбекской литературе конца XX века, на примере произведений Людмилы Улицкой, Татьяны Толстой, Зулфии Куролбой кизи и Саломат Вафо. Исследование акцентирует внимание на социальных и культурных трансформациях, происходивших на постсоветском пространстве, и их влиянии на формирование литературных тенденций в двух странах.

Ключевые слова: компаративная литература, культурология, русская проза, узбекская проза, социальные трансформации, национальная идентичность, гендерные роли.

ЗАМОНАВИЙ РУС ВА ЎЗБЕК АДАБИЁТИДА МАДАНИЙ ЖИҲАТЛАРНИНГ ЎЗИГА ХОСЛИГИ ВА ИФОДАЛАНИШИ

Светлана Олеговна БЕЛЯКОВА

ассистент

Шароф Рашидов номидаги Самарқанд давлат университети

Самарқанд, Ўзбекистон

Аннотация

Мазкур мақолада Людмила Улицкая, Татьяна Толстая, Зулфия Куролбой кизи ва Саломат Вафо асарлари мисолида XX аср охиридаги рус ва ўзбек адабиётида акс этган маданий жиҳатлар кўриб чиқилган. Тадқиқот собиқ совет давлати ҳудудида содир бўлган ижтимоий ва маданий ўзгаришлар ва уларнинг ҳар икки мамлакатда адабий йўналишларни шакллантиришга таъсирига урғу беради.

Таянч сўзлар: қиёсий адабиёт, маданиятшунослик, рус насри, ўзбек насри, ижтимоий ўзгаришлар, миллий ўзига хослик, гендер роллар.

Культурное взаимодействие между литературами разных народов играет значительную роль в развитии новых литературных тенденций и формировании национальных идентичностей. В эпоху глобализации и культурных трансформаций культурологические аспекты приобретают особое значение, поскольку именно они обеспечивают уникальность

художественного творчества. Литература отражает культурные коды, традиции и ценности каждого народа, при этом каждый автор вносит свой уникальный вклад, создавая произведения, которые не только иллюстрируют культуру своей страны, но и взаимодействуют с мировым культурным контекстом. Особенно важно исследование литературных произведений конца XX века, когда на постсоветском пространстве происходили значительные социальные, политические и культурные изменения. Русская и узбекская литературы этого периода становятся ценными источниками для изучения культурных аспектов, которые находят свое отражение в художественных текстах.

Целью данного исследования является выявление особенностей культурологических аспектов в русской и узбекской литературе второй половины XX века на примере произведений Людмилы Улицкой, Татьяны Толстой, Зульфии Куролбой кизи и Саломат Вафо. Компаративный анализ прозы этих авторов позволит установить общие и специфические черты культурного отображения в литературе двух стран, а также проследить, каким образом культурные и социальные трансформации повлияли на содержание и форму произведений.

Для достижения поставленной цели представляется необходимым решить следующие задачи:

- исследовать основные культурные аспекты, отраженные в русской и узбекской прозе второй половины XX века;
- провести сравнительный анализ произведений русских и узбекских писательниц, выявив как общие черты, так и различия в их творческих подходах;
- определить влияние социальных и культурных трансформаций на развитие литературного процесса в России и Узбекистане в указанный период.

Компаративный анализ литератур требует обращения к широкому кругу источников, включающих монографии, посвященные

литературоведению, культурологии и компаративистике. Одним из ключевых направлений исследования является использование работ по теории компаративного литературоведения, таких как труды В.М.Жирмунского [5], где раскрываются методы сравнительного анализа литературных произведений. Кроме того, важно учитывать работы Бориса Эйхенбаума [12], которые посвящены роли культуры в литературном процессе.

Работы, посвященные русской литературе второй половины XX века, такие как исследование А.Ю. Большаковой «Русская литература на рубеже XX-XXI веков: новые приоритеты», освещают культурные и социальные изменения, нашедшие свое отражение в произведениях русских писательниц. Анализ культурных и социальных трансформаций в произведениях Людмилы Улицкой и Татьяны Толстой будет основываться на исследованиях постмодернизма и культурных изменений в постсоветской России [1].

В отношении узбекской литературы следует обратиться к трудам С.Мирзаева, У.Холбековой, Н.Ибрагимовой, которые изучают роль культурных традиций и их влияние на современную узбекскую прозу. Эти исследования позволят глубже понять культурные коды и традиции, отраженные в произведениях Зульфии Куролбой кизи и Саломат Вафо.

Современная русская литература предоставляет богатую палитру культурологических аспектов, отображающих изменения в обществе, взаимодействие культурных кодов и динамику социокультурных процессов. Одними из ярких представителей русской прозы являются Татьяна Толстая и Людмила Улицкая, чьи произведения выступают не просто как художественное осмысление реальности, но и как глубокий анализ культурных и социальных изменений. Так, творчество Людмилы Улицкой и Татьяны Толстой демонстрирует, каким образом культурные и социальные трансформации отражаются в их произведениях. Л. Улицкая, в частности, сосредоточена на темах мультикультурализма, семейных ценностей и женской идентичности в условиях постсоветской реальности [9]. Татьяна

Толстая в своем романе «Кысь» обращается к сатирическому изображению разрушенной культурной традиции, исследуя тему деградации языка и культуры в постапокалиптическом обществе [8].

В романе «Кысь» автор создает уникальный постапокалиптический мир, где традиционные культурные и социальные структуры разрушены, а новые еще не сформированы. Герои романа, оказавшиеся в условиях радикальных изменений, пытаются восстановить связь с прошлым, сохранить частицы утраченной культуры. Персонаж Бендер, постоянно носящий с собой книги, символизирует попытку удержать связь с ушедшей эпохой литературы и искусства.

Людмила Улицкая в романе «Даниэль Штайн, переводчик» исследует тему мультикультурализма и межконфессиональных отношений через судьбу своего героя, бывшего нацистского переводчика, который конвертируется в иудаизм. Роман отражает сложность культурных идентичностей, проблемы интеграции и конфликтов в многокультурном мире. Особенно показательна сцена, где Даниэль пытается найти общий язык между различными религиозными группами, что иллюстрирует его роль моста между разделенными сообществами. Стоит отметить, что Татьяна Толстая и Людмила Улицкая используют литературу для исследования глубоких психологических и культурных трансформаций. Татьяна Толстая в своих произведениях часто фокусируется на теме памяти и исторического наследия. Например, в рассказе «Ночь» она рисует портрет современной России через взаимодействие персонажей, чьи жизни неразрывно связаны с прошлым. Главные герои, живущие в мире, где старые ценности и устои были забыты или переосмыслены, пытаются найти свое место, опираясь на разрозненные воспоминания. Толстая мастерски показывает, как культурная память формирует личностные идентичности и влияет на выборы людей.

Людмила Улицкая, с другой стороны, осмысливает проблемы современного общества через призму межличностных отношений и моральных дилемм. В своем романе «Зеленый шатер» она создает образ

интеллектуальной Москвы 60-70-х годов XX века, когда интеллектуалы были втянуты в политическую борьбу [12]. Улицкая показывает, как идеологические конфликты раздирают дружеские и семейные узы, вынуждая героев принимать сложные решения. Через своих персонажей она размышляет о влиянии истории на личную судьбу, подчеркивая, что прошлое постоянно взаимодействует с настоящим, формируя культурные и социальные контексты. В начале романа повествование возвращается к трагическому дню похорон Сталина, который автор уже описывала в «Казусе Кукоцкого». Это изображение страшного события, когда тысячи людей погибли в толпе, представлено с большой достоверностью и эмоциональной насыщенностью. Через глаза шести друзей – трех девушек и трех парней, рожденных незадолго до войны, читатель переживает этот день вместе с ними.

Верно отмечает критик Алла Латынина, что «в романе Людмилы Улицкой «Зеленый шатер» наряду с вымышленными персонажами активно участвуют и реальные исторические фигуры, такие как известные писатели Александр Солженицын и Андрей Синявский, которые могут быть лишь слегка замаскированы. Также в книге появляется образ отправленного в психиатрическую клинику генерала и адвоката диссидентов Дины Аркадьевны. Юмористические элементы в виде диссидентских баск придают серьезному нарративу легкости и позволяют более глубоко раскрыть тему советской действительности» [6].

Один из центральных персонажей – школьный учитель литературы, который оказывает большое влияние на героев. Как талантливый педагог, он осознает, что мальчики в возрасте от одиннадцати до четырнадцати лет проходят через «нравственную инициацию», вызванную событием, которое «переворачивает душу». Это может быть несчастье, неблагополучие в семье, унижение достоинства или потеря близкого. Автор подчеркивает, что во многих культурах существуют ритуалы этого перехода, но атеистический мир утратил такие механизмы.

Аналогия с биологическим термином «имаго» привлекается для описания взросления, которое невозможно без прохождения инициации. При этом взросление подразумевает ответственность за поступки, самостоятельность и осознанность. В книге обсуждается явление неотении в природе, когда незрелые особи продолжают размножаться, так и не достигнув зрелости. Автор сетует, что общество состоит из «личинок» – невзрослых людей, скрывающихся под маской взрослости, что приводит к отсутствию нравственности, доминированию личной выгоды и потере общечеловеческих ценностей. Роман затем переходит к описанию жизненных событий героев, которые только косвенно связаны с основными действующими лицами. Это повествование напоминает разговоры за чашкой чая, где обсуждаются знакомые и их знакомые. Нет места лирическим отступлениям или описаниям природы, лишь концентрация на событиях. Помимо этого, фоном для жизни героев служат такие темы, как диссидентство и эмиграция.

Произведения Людмилы Улицкой отличает драматическое восприятие жизни с наличием повторяющихся мотивов, таких как женское психическое расстройство и эмиграция. Однако порой создается впечатление, что используется стандартный набор персонажей, из-за чего герои кажутся недостаточно убедительными или противоречивыми, что затрудняет эмпатию читателя к их судьбам.

Роман Людмилы Улицкой «Зеленый шатер» – это взгляд на поколение, которое взрослело во времена оттепели, осознанно выбирало свой жизненный путь в 60-е годы и испытывало последствия своих решений в 70-е и последующие десятилетия. Улицкая, как исключительно внимательный наблюдатель и интерпретатор эпохи, создает многослойный нарратив, который охватывает несколько десятилетий советской и постсоветской истории – от смерти Сталина до смерти поэта Иосифа Бродского. В этом романе художественный вымысел переплетается с историческими реалиями, создавая богатую ткань человеческих судеб. Персонажи Улицкой – это

голоса целого поколения, которое столкнулось с необходимостью определять свою идентичность в быстро меняющемся мире. Через калейдоскоп жизненных историй читатель видит, как различные персонажи сталкиваются с политическими репрессиями, культурными изменениями и социальными вызовами. Каждая судьба в «Зеленом шатре» освещена как сольная партия в большом хоре голосов, где каждый голос вносит уникальный вклад в общую картину эпохи. Роман наполнен отсылками к реальным историческим событиям, которые формируют контекст, в котором развиваются личные истории персонажей. Это делает «Зеленый шатер» не только художественным произведением, но и важным историческим документом, отражающим дух времени. В своем творчестве Улицкая продемонстрировала уникальную способность проникновения в глубины человеческой психики, разбор сложных моральных дилемм и критический взгляд на социальные изменения, что делает ее одной из самых значительных фигур в современной русской литературе.

Эти элементы произведений Л. Улицкой и Т. Толстой помогают читателям глубже понять, как культурные коды и исторические события определяют современные социальные процессы. Их произведения становятся своего рода мостом, связывающим различные эпохи и культуры, и предоставляет уникальную возможность для культурологического анализа. Через художественное осмысление они выражают универсальные истины о человеческой природе, об уязвимости человека перед лицом исторических вызовов и о неизменной потребности в моральных ориентирах в мире постоянных изменений.

Узбекская литература второй половины XX века также претерпела значительные изменения, и в этом контексте особенно выделяются произведения Зульфии Куролбой кизи и Саломат Вафо. В их творчестве прослеживаются такие темы, как традиционные узбекские культурные ценности и роль женщин, одновременно освещаются проблемы модернизации и социальных изменений в обществе. Так, в творчестве

Зульфийи Куролбой кизи центральное место занимают образы женщин, стремящихся сохранить национальные традиции в условиях изменяющегося общества [13]. Саломат Вафо же фокусируется на изображении сильных, независимых женщин, что отражает влияние феминистских идей и борьбу за права женщин в традиционном обществе [4].

Русская и узбекская литературы второй половины XX века представляют собой богатый материал для анализа, поскольку их развитие было обусловлено как локальными культурными традициями, так и глобальными изменениями. Одним из ключевых аспектов в культурологическом контексте является осмысление социальной и гендерной идентичности, которая по-разному проявляется в произведениях русских и узбекских писательниц.

Людмила Улицкая и Татьяна Толстая в своей прозе уделяют особое внимание теме культурных трансформаций. Улицкая исследует мультикультурное наследие, поднимая вопросы толерантности, семейных ценностей и роли женщин в условиях постсоветской России. Например, в романе «Казус Кукоцкого» главная героиня сталкивается с выбором между традиционной ролью женщины и необходимостью адаптироваться к новым социальным реалиям. Толстая, в свою очередь, использует аллереорию для описания культурного кризиса, как это видно в ее романе «Кысь», где деградация языка символизирует утрату культурных кодов.

Чем глубже мы погружаемся в литературные каноны России и Узбекистана, тем становится все более очевидным, как авторы навигируют в сложной сети социополитических изменений и как эти изменения формируют их нарративные стили и тематические предпочтения. В российском контексте авторы, такие как Людмила Улицкая и Татьяна Толстая, со всей проникательностью демонстрируют внутренний мир своих персонажей на фоне масштабных социальных преобразований. Рассказы Л. Улицкой часто анализируют нюансы идентичности, мультикультурные взаимодействия и семейные связи, отражая более широкие общественные

изменения в постсоветской России. Т. Толстая, в свою очередь, наполняет свои рассказы богатыми аллегориями и метафизическими размышлениями, изображая культурную пустоту и поиски смысла в фрагментированном обществе. В русской литературе второй половины XX века образ женщины приобретает новые оттенки: писательницы стремятся отразить внутренний мир своих героинь, их сомнения, мечты и стремления. Людмила Улицкая мастерски раскрывает сложность женской психологии, ее героини представляют собой многогранные личности, сталкивающиеся с вызовами времени. Татьяна Толстая, напротив, использует гиперболу и гротеск для создания женских образов, подчеркивая влияние общества на формирование личности.

В контрасте с этим, узбекская литературная сцена, представленная Зульфией Куролбой кизи и Саломат Вафо, предлагает яркую мозаику традиционных мотивов, переплетенных с нитями современности и изменений. Их повествования часто сосредоточены на устойчивости культурной идентичности и развивающейся роли женщин в обществе. Работы Зульфии подчеркивают важность сохранения культурной целостности и личную борьбу женщин в быстро меняющейся социальной среде. Произведения С. Вафо бросают вызов традиционным нарративам, изображая сильных, независимых женских персонажей, которые ориентируются среди сложных личных и общественных ожиданий.

В узбекской литературе женщины традиционно изображались как хранительницы семьи и национальных традиций. Однако во второй половине XX века эти образы начинают меняться. Зульфия Куролбой кизи стремится показать, как традиционные роли могут сочетаться с современными стремлениями. Ее героини сохраняют связь с культурными корнями, но при этом стремятся к самореализации.

Не так-то просто говорить или писать о жертвах позорного недуга, названного в XXI веке «торговлей людьми», но молчать тоже не по совести. Совесть настоящего творца не допустит этого. В романе «Омут страданий»

(«Машаққатлар гирдоби») рассказывается о наших соотечественниках, попавших в этот водоворот, о невероятных жестокостях существ, потерявших человеческий облик. События, напоминающие сказочные приключения, потрясают читателя, заставляют его глубоко задуматься. Наиболее важным, крайне поучительным и ярким аспектом произведения является то, что даже в тисках темноты этого водоворота есть настоящие люди, которые не теряют своей сущности, истинных человеческих качеств, способных осветить тьму, пробить железные клетки, пробудить спящих рабов от агонии привыкания. В произведении Гулрух выступает как яркая фигура, находящаяся в авангарде таких сил.

Писательница через высказывание одного из персонажей называет эту героиню «ангелом добра и света». Действительно, как только эта ангельская женщина появляется в произведении, она начинает светить, как луч в атмосфере угнетения и тьмы, прерывая череду продолжительных мучений и жестокости, направляя ход событий в положительное русло. Словами самого героя, она «создает совершенно иной воздух вокруг себя», человеческие качества этой медсестры проявляются все более явно. У этой женщины не только точное око, но и острый язык: она не оставит без крови того, кого укусит. Перед жалующимися и знающими только, как питаться, плачущими женщинами она выглядит совершенно иначе, предстает прекрасной, простой и неприступно гордой. Единственным человеком среди заключенных, который не считает себя пленником духа, не сдается унынию, является Гулрух. Ее решительный противник, пытавшийся сбить ее с пути, в конечном итоге духовно капитулирует перед ней. Герой-рассказчик, ставший свидетелем этого, не может скрыть своего волнения: «Я никогда не встречал такой чистой, девственной, благородной женщины, которая не обращает внимания на любые препятствия на пути к высшей цели».

Эта неподражаемая героическая женщина благодаря своему пылу возвращает к жизни больных, которые были на краю смерти, сбивает с толку жестоких мошенников, пробуждает внимание заблудших душ, и в конечном

итоге освобождает себя и своих близких из оков рабства. Произведение имеет счастливый конец. Два влюбленных молодых человека – герой-рассказчик Даврон и его судьба Гулрух – после множества пережитых испытаний возвращаются на родину, где на этой священной земле находят свое истинное счастье.

Возможно, некоторым читателям покажется, что мужество главной героини излишне преувеличено, а счастливый конец слишком уж гладкий, будто в сказке, и нет ни малейших намеков на новые препятствия впереди... В романе иногда преобладают чрезмерно захватывающие события, заставляющие забыть о повествовательности. Тем не менее, такие романтические герои были крайне необходимы и жаждущим уроков и примеров молодым людям. Автор произведения действительно стремилась удовлетворить эту жажду.

У Саломат Вафо женщины, напротив, изображены как активные борцы за свои права, их судьбы часто противопоставлены традиционным устоям. В рассказе «Гора Бутан» Саломат Вафо обращает внимание на контраст между жизнью в большом городе и пребыванием в уединенном, почти мистическом месте – у подножия горы Бутан [2]. Рассказ написан в психологической манере, с глубоким философским подтекстом, который затрагивает важные вопросы существования человека, его взаимодействия с природой и поисков смысла жизни. В рассказе звучит мотив внутренней борьбы и поиска. Гора Бутан предстает не только как физический объект, но и как мощный символ. Она изображена как «отдельный мир», охваченный «безмолвием и величием», что ассоциируется с вечностью и неизменностью, сравниваемой с самой жизнью. Такой образ горы играет важную роль в структуре произведения, становясь метафорой для внутреннего поиска героини. Гора, как символ, выражает стремление к духовному возрождению, стабильности и ясности, которых она так долго ищет, переживая личные конфликты.

Природа в тексте функционирует как активный катализатор духовного очищения героини. Эпизод, в котором героиня чувствует прикосновение

ветра, подчеркивает не только физическое воздействие стихии, но и глубинную трансформацию ее души. В строках «Я чувствовала, как ветер касается меня, и в этом прикосновении был не только холод, но и очищение, которое я так долго искала» природа становится живым участником внутренней трансформации. Это ощущение очищения, которое героиня переживает в контакте с природой, символизирует процесс преодоления внутренних барьеров и поиска истины.

Кохин, как персонаж, олицетворяет противоречие между духовной силой и человеческой ограниченностью. В образе Кохина, стоящего в тени святых могил, его слова «звучат как заклинания», но они лишены долговечности, «как и сама жизнь, что он вел». Этот момент иллюстрирует парадокс духовной практики: хотя Кохин обладает внешней силой и влиянием, его слова и действия уязвимы и эфемерны также, как и сама жизнь. Такое изображение духовного лидера раскрывает ограниченность человеческого бытия, несмотря на его стремление к вечности и бессмертию через ритуалы и молитвы.

Женская судьба в контексте рассказа также представлена через призму традиционных мифов и стереотипов. В одном из эпизодов героиня вспоминает легенду о девушках Бакра, которых «взяли в плен девами», и чьи судьбы «стали частью наших ночных кошмаров». Этот миф о женской судьбе, навязываемый обществом, иллюстрирует, как стереотипы и патриархальные ожидания ограничивают свободу женщин, делая их судьбы заранее предсказуемыми и трагичными. В данном контексте миф о пленении женщин становится символом их зависимости от внешних обстоятельств и традиций, от которых они не могут легко освободиться.

Наконец, внутренний конфликт героини выражен в ее духовных поисках. В одной из сцен она размышляет: «Я пыталась понять, зачем я здесь, в этом забытом уголке мира, где древние ритуалы соприкасаются с реальностью, но оставляют лишь пустоту внутри меня». Эти строки подчеркивают, что несмотря на все ее усилия, духовные практики и ритуалы

не дают ей удовлетворения, оставляя лишь чувство пустоты и неопределенности. Герои, вовлеченные в поиск смысла, сталкиваются с проблемой несовпадения традиционных верований и их собственного внутреннего мира, что усиливает драму их существования.

В произведениях С. Вафо действительно подчеркиваются важные социальные трансформации, особенно те, которые затрагивают традиционные устои и роль женщины. Автор часто изображает сильных героинь, чьи судьбы находятся на перекрестке традиционных норм и стремлений к независимости. Эти героини становятся символами борьбы за свои права и места в обществе, где традиции и модернизация переплетаются, создавая внутренние и внешние конфликты.

Исследователи подчеркивают, что Саломат Вафо, используя культурный контекст, создает многослойные образы женщин, которые бросают вызов устоявшимся стереотипам и представлениям. Это можно рассматривать, как попытку автора обратиться к общественной роли женщины и ее внутренним конфликтам в меняющемся мире.

Рассказ Саломат Вафо «Девор» («Стена») представляет собой глубокое и многослойное произведение, в котором пересекаются темы одиночества, внутренней борьбы, иллюзий и реальности. Он демонстрирует тонкую психологическую прозу, обращаясь к внутреннему миру героев и их восприятию окружающего. Рассказ повествует о двух пациентах в больничной палате, их сложных взаимоотношениях, размышлениях о любви, смерти и смысле жизни. Через описание ограниченного пространства больницы автор создает мощный символизм, в котором запертость героев оказывается отражением их душевного состояния.

Больничная палата, в которой разворачиваются события рассказа, описана как тесное, душное и ограниченное пространство. Окно, из которого один из героев, Аьзамжон, наблюдает внешний мир, становится важной деталью. Однако в финале выясняется, что вид за окном на самом деле прегражден высоким черным **девором** (стеной). Это открытие не только

переворачивает восприятие рассказчика, но и подчеркивает, как иллюзии могут определять наше восприятие реальности.

Девор (стена) – ключевой символ рассказа. Стена олицетворяет границу между внутренним и внешним миром героев. Для Аъзамжона стена становится экраном, на который он проецирует свои фантазии о любви и свободе. Для рассказчика она является физическим препятствием, которое отражает его душевную закрытость и нежелание понимать окружающих.

Аъзамжон – яркий и противоречивый персонаж. С одной стороны, он выглядит слабым, болезненным, но в то же время отличается большой эмоциональностью и внутренней энергией. Он постоянно вспоминает женщину, которую любил и выражает свои чувства с необычайной искренностью. Однако его любовь оказывается трагичной и недостижимой. Женщина, которую он обожает, оказывается женой другого, а сам Аъзамжон заперт не только в больнице, но и в своих иллюзиях. Его обостренное восприятие реальности и привычка находить в каждом явлении отражение своих эмоций делают его своеобразным зеркалом для рассказчика. Но это же отражение становится источником раздражения и конфликта.

В финале рассказчик получает возможность занять место Аъзамжона у окна. Однако вместо обещанного вида на улицу и жизнь за пределами больницы он видит лишь черную стену. Этот момент символизирует крах иллюзий и осознание бессмысленности попыток избежать внутреннего кризиса через фантазии.

Одиночество пронизывает весь рассказ. Больница становится микромиром, где герои замкнуты в своих телах и мыслях. Аъзамжон пытается убежать от одиночества через воспоминания о любви и воображаемые картины. Рассказчик же, напротив, пытается подавить чувство изоляции через скептицизм и цинизм. Любовь в рассказе представлена как боль и трагедия. Для Аъзамжона она связана с женщиной, которая никогда не сможет принадлежать ему. Рассказчик же воспринимает любовь как нечто несовместимое с его возрастом и положением. Через этот контраст автор

исследует, как люди разных типов справляются с болью утраты. Смерть постоянно присутствует в повествовании. Болезнь Аьзамжона, его приступы и состояние, близкое к агонии, становятся напоминанием о хрупкости жизни. Страх смерти заставляет героев задуматься о смысле своего существования. Для Аьзамжона его фантазии – это способ выжить в условиях изоляции и боли. Рассказчик, наблюдая за ним, изначально отрицает важность таких иллюзий, но в финале приходит к осознанию, что даже его собственная циничность – это форма защиты.

Финал рассказа становится кульминацией символизма. Черная стена за окном символизирует не только крах надежд Аьзамжона, но и пустоту, с которой сталкивается рассказчик. Это открытие подчеркивает, что герои, несмотря на свои различия, одинаково уязвимы перед реальностью. Они оба заперты в своем ограниченном мире, где стены – это не только физическое препятствие, но и барьер между их внутренним «я» и внешней жизнью.

Рассказ Саломат Вафо «Стена» – это тонкая и глубокая работа, исследующая внутренний мир человека в условиях изоляции. Через конфликт двух героев автор показывает, как люди справляются с одиночеством, страхом и утратой. Символизм, яркие образы и напряженная атмосфера делают произведение запоминающимся и значимым для читателей. С. Вафо демонстрирует мастерство психологического анализа, которое позволяет читателю задуматься о собственных иллюзиях и о том, что скрывается за их «стенами».

Саломат Вафо в рассказе «Безымянный корабль» исследует тему душевной боли и чувства утраты через персонаж главной героини. Рассказ начинается с ее возвращения в родной город после смерти матери, что ставит героиню перед лицом как внутренних, так и внешних конфликтов. Она сталкивается с равнодушием и жадностью родственников, что усиливает ее чувство одиночества и отчуждения. Рассказ освещает проблему моральной изоляции и потери человеческих связей в современном обществе. Элементы

символизма, такие как образ «безымянного корабля», подчеркивают тему поиска личной идентичности и места в мире [3].

В сравнительном анализе русской и узбекской литературы второй половины XX века также можно увидеть схожие темы. Русская литература того времени, с ее социальными и философскими поисками, отражала переходный период, где традиционные ценности часто сталкивались с новыми идеями и требованиями времени. Подобным образом, в узбекской литературе происходит поиск новой идентичности, где женщины становятся активными участниками этого процесса, утверждая свою роль в изменяющемся обществе.

Русская и узбекская литературы конца XX века развивались на фоне значительных политических и социальных трансформаций, таких как разгул сталинизма, «оттепель» Хрущева и перестройка Горбачева в Советском Союзе, а также культурное возрождение в Узбекистане после обретения независимости в 1991 году. Эти периоды оказали значительное влияние на литературные процессы в обеих странах, подчеркивая как сходство в темах, так и различия в подходах к их освещению. И русская, и узбекская проза второй половины XX века активно занимались исследованием внутреннего мира человека, его духовных исканий и моральных дилемм. Писатели обеих стран стремились отразить в своих произведениях социальные и культурные изменения своего времени, выражая через литературу общую тенденцию к переосмыслению идентичности и культурных традиций.

Татьяна Толстая и Людмила Улицкая часто фокусировались на психологической детализации и мультикультурном взаимодействии в рамках советской и постсоветской действительности. Их произведения порой отражали ностальгию по утраченной культурной принадлежности и критику социальных недугов.

Зульфия Куролбой кизи и Саломат Вафо сконцентрировались на темах национальной идентичности и гендерных вопросах в контексте узбекской культуры и общества. Их работы часто поднимали вопросы социальной

справедливости, роли женщин в обществе и сохранения культурного наследия в условиях модернизации.

В России литературный процесс активно отражал различные социальные изменения, происходящие в стране, исследуя темы свободы, индивидуализма и социальной адаптации. В Узбекистане литература стала платформой для обсуждения вопросов национального самоопределения, гендерного равенства и восстановления исторической памяти.

Таким образом, сравнительный анализ русской и узбекской прозы конца XX века позволяет глубже понять, что на формирование литературных процессов в обеих странах оказали влияние общие исторические события, но при этом они имели свои уникальные черты, обусловленные национальными и культурными контекстами. Произведения представителей женской прозы обеих литератур служат зеркалом, отражающим как универсальные человеческие стремления и проблемы, так и специфические национальные вопросы и дилеммы, представляя богатый материал для культурологического анализа.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Большакова А. Ю. Русская литература на рубеже XX-XXI веков: новые приоритеты // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение», 2011. – № 3.
2. Вафо, Саломат. Гора Бутан. Рассказ /Перевод с узбекского Зои Тумановой // Дружба народов, 2010. – № 5.
3. Вафо, Саломат. Безымянный корабль. Рассказ /Перевод с узбекского Усто Али // Дружба народов, 2012. – № 7.
4. Вафо, Саломат. Қора бева. – Тошкент: Янги аср авлоди, 2009. – 308 б.
5. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. – Ленинград: Наука, 1979. – 506 с.
6. Латынина А. Всех советская власть убила... // Новый мир, 2011. – №6.

7. Мирзаев С. Узбекская литература XX века. (Научное издание). – Москва: Восточная литература, 2010. – 376 с.
8. Толстая Т. Н. Кысь: Роман / Татьяна Толстая. – Москва: Редакция Елены Шубиной, АСТ, 2016. – 381 с.
9. Улицкая Л. Казус Кукоцкого. – Москва: Эксмо, 2011. – 512 с.
10. Улицкая Л. Зеленый шатер. – Москва: Эксмо, 2010. – 512 с.
11. Холбекова У. М. Современная узбекская психологическая проза на примере творчества Саломат Вафо // Молодой ученый. – 2021. – № 51 (393). – С. 516-519.
12. Эйхенбаум Б. М. О литературе. Москва: Сов. писатель, 1987. – 436 с.
13. Қуролбой кизи, Зулфия. Машаққатлар гирдоби. – Тошкент: Шарқ, 2005. – 365 б.